

К Р О К О Д И Л

№ 24 АВГУСТ

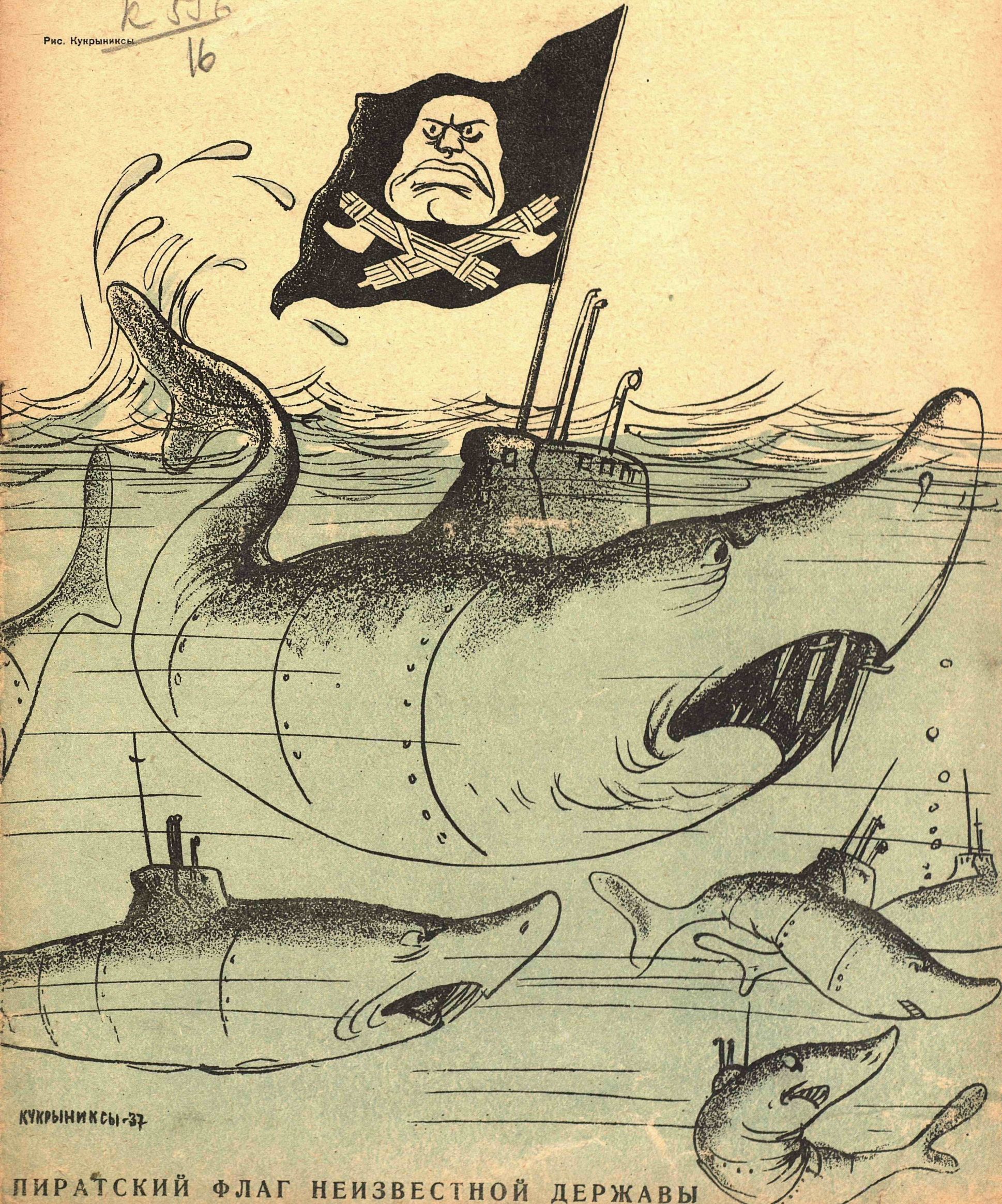
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

к 556

Рис. Кукрыниксы

16

КУКРЫНИКСЫ-37

ПИРАТСКИЙ ФЛАГ НЕИЗВЕСТНОЙ ДЕРЖАВЫ

БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Леонид Гаврилович Могиллов считал, что его затирают. Был бы он на какой-нибудь другой работе, в другом месте, — его судьба давно бы вспыхнула яркой звездой. Но если он вот уж десять лет служит юрисконсультом в маленьком учреждении, то где тут вспыхнуть? Где тут приложить могучую инициативу? Где тут прогреметь на весь Союз?

А Могиллову так хотелось прогреметь, так хотелось с полным достоинством и скромностью дать интервью представителю центральной прессы! «Еще в детстве мое внимание привлекало... Маленьким ребенком я интересовался...» Но ничего подобного не могло произойти в канцелярии, наполненной сизым дымом. Скудные препирательства с назойливыми посетителями да вечеринки в подвыходные дни — вечеринки с западноевропейскими танцами, с хоровым пением «Тилимбомбом-тилимбомбом», невеселыми шутками и мелкими сплетнями о жизни друзей и знакомых.

Однако грубо ошибся бы тот, кто предположил бы, что Леонид Гаврилович примирился со своей жизнью. Зевал ли он в канцелярии или вяло подпевал «Тилимбомбом» на вечеринке, в нем непрерывно, тайно от всех кипели огненные страсти. Этот гражданин в скромном, но модном пиджачке жил чужими победоносными жизнями или, вернее, собственной, но не сбывшейся. Почему не сбылась эта блестящая жизнь? Ах, не так надо было жить! Совсем не так! Другие, вон, небось, не пропустили своего часа! А он... Проклятая природная скромность!

А какие возможности были! Что стоило ему, например, в 1917 году, когда он теснился в задних рядах цирка Чинизелли и внимательно изучал бронзовый затылок матроса, сидевшего перед ним, что стоило ему тогда потребовать слова и произнести яркую речь с призывом к немедленному вооруженному восстанию и требованием ареста десяти министров-капиталистов?! Все было бы иначе...

А разве он не мог, как Отто Юльевич Шмидт, провести шесть недель на льдине? Он бы проявил чудеса дисциплинированности и мужественности... А что он не мог верхом на лошади прискакать из Каракум на Красную площадь или, на худой конец, прошагать в противогазе три тысячи километров? Все это он мог бы сделать, но его опередили. Опередили, конечно, ловкачи, хитрюги, выскочки...

Самые мрачные дни для Могиллова были дни наград, юбилеев. Он трепетно развертывал газету, и фамилии награжденных были по нем карточью. Он бросал газету на пол. Ему в этот день не хотелось есть... Сравнительно безболезненно для Могиллова прошел юбилей философа XVI века Б. Спинозы. Могиллов простил славу Пушкину и Гете, но не прощал ни профессору Туполеву, ни Давиду Ойстраху, ни Марии Демченко, Чкалову, Юмашеву, Стаханову, Кризаношу, велосипедисту Рыбальченко и ни народному шуту Виталию Лазаренко... И еще многие, многие другие оставляли незаживающие раны в груди Леонида Гавриловича. Он завидовал чужим рождениям (вот бы ему четверо близнецов!) и смертям. Ему казалось, что даже смерть или тяжелые увечья люди хитро заготавливают заранее. Он был убежден, что юные дарования уменьшают себе года, а ветераны — увеличивают.

Леонид Гаврилович предполагал, что существует какой-то страшный человек, который во всем ему гадит. Это он, тайный враг, устроил, например, так, что Леонид Гаврилович не попал в кинохронику при встрече чкаловского экипажа. Озабоченно наморщив переносье и организовав железные желваки у скул, Могиллов влезал в аппарат. И все же на экране в кино он увидел только свое плечо и барашковый воротник.

— Я!.. Это я! — задохнувшись от радости, объявил он. — Видите: слева — мой воротник и три пуговицы на пальто...

Но негодяй Хвостенко, сидевший рядом, громко сказал, что это его плечо и его воротник. Спорить было унизительно...

Все же Леонид Гаврилович надеялся, что придет время — и он возьмет свое. «Пробьет мой час...» Но пробил час не его, а счетовода Рыжикова. Это был незаметный сотрудник в том учреждении, где работал Могиллов. Рыжикова никто никогда не звал по имени и отчеству. Его никогда не приглашали на вечеринки, где пели хором «Тилимбомбом», и т. д., и т. д. Рыжиков поехал в отпуск к своим родственникам, которые живут где-то в пограничном районе. И вот однажды Леонид Гаврилович разворачивает газету и читает, что гражданин Рыжиков, счетовод такого-то учреждения, задержал опасного диверсанта. Рыжикова наградили.

Этот удар был самый тяжелый для Могиллова. Подумайте: ведь и ему ничего не стоило, как Рыжикову, поехать отдыхать не в Сочи, а куда-нибудь в пограничный район... Везет же людям, черт возьми! Могиллов возненавидел Рыжикова, но в комиссию по чествованию храброго сослуживца Леонид Гаврилович охотно вошел. Он даже собирался произнести речь. Может быть, об этом напишут в газете, может быть, этот парад запечатлеют на пленке.

Началось собрание. Леонид Гаврилович был уверен, что его изберут в президиум, но этого не случилось. Видя и в этом происки врагов, Могиллов хотел уйти, но все-таки остался, тем более, что центральной идеей его речи являлся призыв к скорейшему изживанию позорнейших пережитков капитализма в сознании людей. Потом он расскажет очень красиво и трогательно о том, как жил скромный, никем не замечаемый сотрудник, но в душе его давно «тепелилась жажда подвига». Там будут и такие фразы: «И вот пробил его час, его Аустерлиц...» И дальше: «Несмотря на то что его затирали...» «Хотя нет, об этом я не буду, — решил Леонид Гаврилович, — а то еще подумают, что я о себе говорю... А почему, собственно, не сказать о себе? Почему?»

Почему меня даже в президиум не избрали? Почему? Почему всюду меня обходят? Со своей дурацкой скромностью я себе только врежу! Мямля! Шляпа! — ругал себя Могиллов. — Нет, нет, пусть меня затирают, пусть все меня обскакивают! Я об этом говорить не буду!..»

Названный председателем, Леонид Гаврилович взошел на трибуну. Он почувствовал нервную дрожь и с удивлением услышал собственный, точно идущий из чужого горла голос.

— Товарищи, — визжал этот голос, — все мы идем к бесклассовому обществу. Но разве допустимо, когда одних выбирают в президиум, а других затирают? Я не хочу омрачать наш праздник, — виззгнул он еще отчаянней. — Обходят! Кругом обходят! Мне не жаль, что наградили товарища Рыжикова. Справедливо его наградили. Я не хочу омрачать наш праздник!.. Но если посмотреть глубже...

И все то, что его мучило так много лет, сейчас нахлынуло, и он говорил бы час, а может быть, и больше, если б не звонок председателя и недоумевающие возгласы с мест...

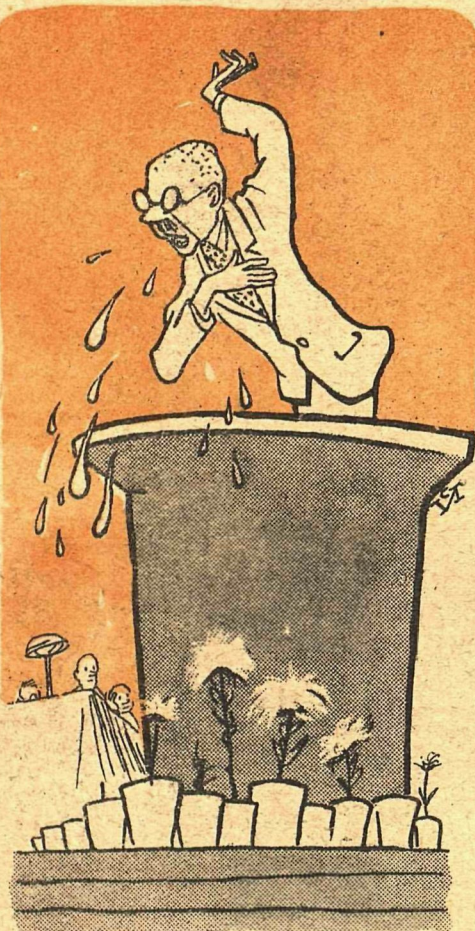
Покидая трибуну, он подумал:

«О боже мой, сколько у меня врагов! Все мне хотят зла! Все!.. А что я им сделал?!»

Вначале он хотел гордо уйти, но потом решил, что это неудобно. «Еще подумают, что я завидую... И потом не надо омрачать праздника». Тяжело вздохнув, он занял место позади всех.

Продолжались речи, щелкали фотоаппараты. Все было торжественно, а Леониду Гавриловичу хотелось плакать. «Не надо омрачать праздника, — всхлипывая, успокаивал он себя. — Не на-а-до омра-ча-ать!..»

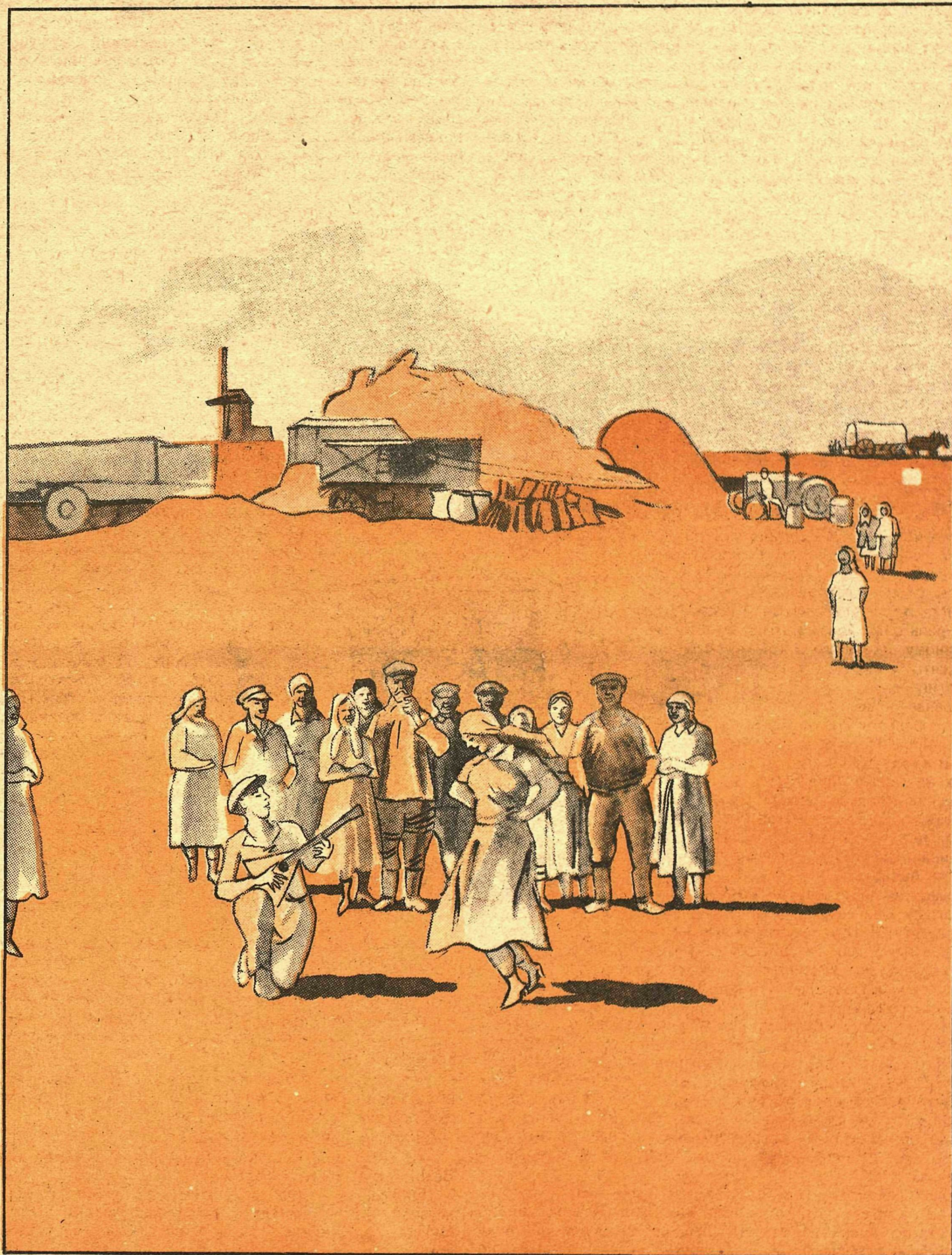
Б. ЛЕВИН

ЧАС ОТДЫХА В ПОЛЕ

И. Л. Н.

Рис. Л. Бродаты

„В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты!— русская долюшка женская!“

(Н. А. Некрасов)

СЕРДЦА ТРЕХ

Иллюстрации Ю. Ганфа

Позвольте рассказать о нижеследующем забавном факте. Один ленинградский инженер очень любил свою жену. То есть, вообще говоря, он относился к ней довольно равнодушно, но когда она его бросила, он почувствовал к ней пылкую любовь. Это иной раз бывает у мужчин.

Она же не очень его любила. И, находясь в этом году на одном из южных курортов черноморского побережья, устроила там весьма легкомысленный роман с одним художником.

Муж, случайно узнав об этом, пришел в негодование. И когда она вернулась домой, он, вместо того чтобы расстаться с ней или примириться, стал терзать ее сценами ревности и изо дня в день оскорблял ее грубыми и колкими замечаниями о курортных знакомствах и так далее

Она нигде не служила, тем не менее она решила от него уйти.

И в один прекрасный день, когда муж ушел на работу, она, не желая объяснений и драм, взяла чемодан со своим гардеробом и ушла к своей подруге, чтобы у нее временно пожить до приискания службы и комнаты.

И в тот же день она повиладалась со своим художником и рассказала ему, что с ней.

Но мастер кисти и резца, узнав, что она ушла от мужа, встретил ее крайне холодно, если не сказать больше. И даже имел нахальство заявить, что на юге бывают одни чувства, а на севере другие и что на курорте в пять раз все бывает интересней чем при нормальной обстановке.

Они не поссорились, но попрощались в высшей степени холодно.

Между тем муж, узнав, что она ушла из дому с чемоданом, пришел в огорчение. Только теперь он понял, как пламенно ее любит.

Он обегал всех ее родных и заходил во все дома, где она, по его мнению, могла находиться, но нигде ее не нашел.

Его бурное отчаяние сменилось меланхолией, и он даже хотел повеситься, о чем и заявил в частной беседе ответственному с'емщику по своей квартире.

Председатель жакта, озабоченный судьбой этого квартиранта, поспешил навестить его, чтобы предостеречь от пагубного шага.

Он так сказал ему:

— В соревновании на лучшее, образцовое жилище наш дом выходит на первое место в районе. И нам было бы крайне досадно, если бы вы со своей стороны что-нибудь сейчас допустили. И если у вас есть хоть какая-нибудь общественная жилка, то вы уж как-нибудь обойдитесь.

Видя, что гражданский призыв ни с какой стороны не тронул инженера, председатель так ему сказал:

— Вы живете замкнувшись в своем душном мире, и через это ваши страдания очень велики. Вас перевоспитывать — так это надо запастись терпением. Если хотите, я в дальнейшем займусь с вами. Но пока я вам дам хороший совет: напечатайте объявление в газете: дескать (как в таких случаях пишется),

люблю и помню, вернись, я твой, ты моя и так далее. Она это прочтет и непременно явится, поскольку сердце женщины не может устоять против печати.

Этот совет нашел живейший отклик в измученной душе инженера, и он действительно среди отрезков драпа и велосипедов поместил свое объявление: «Маруся, вернись, я все прощу».

К этой классической фразе он еще добавил несколько вольных строк о своих страданиях, но эти строчки вымарали ему в конторе, поскольку уж очень, знаете ли, получалось как-то сугубо жалостливо и вносило дисгармонию в общий стиль объявлений.

За это объявление инженер заплатил 35 рублей. Но когда он заплатил деньги, он обратил внимание на дату и пришел в ужас, узнав, что его объявление появится только через 15 дней.

Он стал горячиться и объяснять, что он не велосипед продает и что он не может так долго ждать. И они из уважения к его горю сбавили ему 4 дня, назначив объявление на 1 августа.

Между тем на другой день после сдачи объявления его жена явилась в жакт, чтобы выписаться. И там он имел счастье с ней увидеться и объясниться.

Он так ей сказал в присутствии домоуправления:

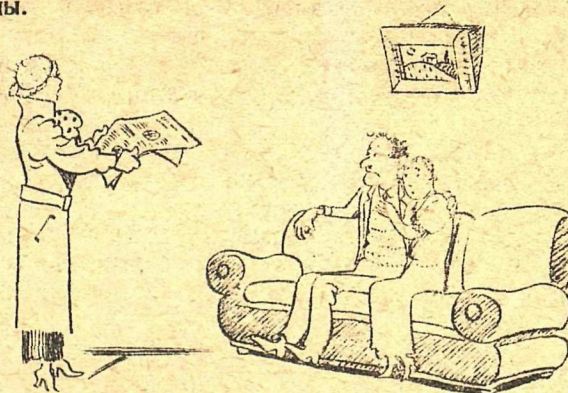
— Семь лет я крепился и ни за что не хотел прописывать вашу преподобную мамашу в нашей проходной комнате, но если теперь вы вернетесь, я ее, пожалуй, так и быть — пропишу.

Она дала согласие вернуться, но хотела, чтобы он прописал также ее брата. Но он уперся на своем и согласился принять на свою площадь только ее мамашу, которая буквально через несколько часов туда и переехала.

Два или три дня у них шло все очень хорошо. Но потом жена имела неосторожность встретиться со своим портретистом.

Тот, узнав, что она вернулась к мужу, проявил к ней исключительную нежность и отзывчивость. И сказал ей, что его чувства снова вспыхнули как на юге и что он теперь опять будет мучиться и страдать, что она все время находится с мужем, а не с ним.

Весь вечер они провели вместе и были очень счастливы и довольны.

Муж, беспокоясь, что ее так долго нет, вышел к воротам поторопить события. И тут, у ворот, он впервые увидел живописца, который под руку вел его жену.

Тут снова у них начались семейные драмы, еще более тяжелые и шумные чем раньше, поскольку ее мама, даром что ей было 65 лет, принимала теперь в них самое деятельное участие.

Тогда молодая женщина снова ушла от мужа и, находясь под впечатлением пылких слов художника, явилась к нему, чтобы у него, если он хочет, остаться.

Но портретист не проявил к этому горячего желания, сказав, что он человек непостоянный, что сегодня ему кажется одно, завтра — другое, и что одно дело — любовь, а другое дело — брак, и что он хотел бы не менее полгода обдумать этот шаг, прежде чем на что-нибудь определенное решиться.

Тогда она поссорилась с художником и осталась жить у подруги, которая вскоре и устроила ее на службу в психиатрической лечебнице.

Между тем ее муж, погоревав несколько дней, неожиданно утешился, случайно встретив подругу своего детства.

У них и раньше что-то намечалось, но теперь, находясь в одиночестве, он почувствовал к ней большую склонность и предложил ей поселиться у него.

И она была этому рада, поскольку она только недавно прибыла из Ростова и еще, как говорится, тут не осмотрелась в смысле помещения.

В общем ровно через 11 дней вышло злосчастное объявление.

Сам муж, позабыв о нем, не принял во внимание этот день. Но его жена, томясь у подруги, как раз наткнулась на этот призыв и была очень поражена и обрадована.

«Все-таки, — подумала она, — он меня исключительно любит. В каждой его строчке я вижу его невыразимое страдание. И я вернусь к нему, поскольку художник большой нахал и я сама виновата, что так легкомысленно отнеслась к курортному знакомству».

Не будем нервировать читателей дальнейшим описанием. Скажем только, что появление жены с газетой в руках было равносильно разорвавшейся бомбе.

Муж, лепеча и перебегая от одной женщины к другой, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных объяснений.

Жена с презрением сказала, что если бы не это объявление, она и не переступила бы порога этого мещанского жилища. Подруга из Ростова, заплакав, сказала, что она вовсе не желает склеивать его разбитое сердце своим присутствием и что если он дал такое исключительно сильное объявление с публичным описанием своих чувств, то он во всяком случае должен был бы подождать какого-нибудь результата.

В общем обе женщины, дружески обнявшись, ушли от инженера с тем, чтобы к нему не возвращаться.

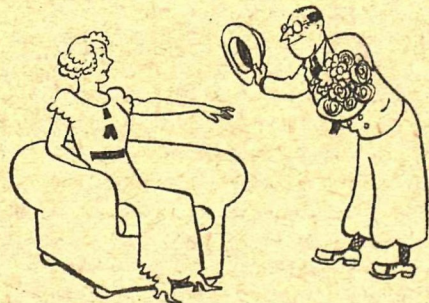
Председатель жакта, узнав от инженера о новой тревоге в доме, так ему сказал:

— Всем хорош наш дом. И вышел на первое место. И ремонт своевременно произведен. И среди жильцов полное единодушие по всем основным вопросам. И только вы вносите чепуху и бестолочь в мирное течение нашей жизни. Идите домой и поступайте теперь, как хотите. Вас перевоспитывать — так это надо сначала с ума сойти.

Оставшись в квартире вместе с ее мамашей, инженер впал в бурное отчаяние, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы вечером не вернулась к нему его подруга из Ростова. Тем самым она показала, что ее сердце не столь ожесточилось, как у жены.

Правда, на другой день к нему хотела вернуться также и жена, но, узнав от своей мамы, что землячка из Ростова опередила ее, осталась у подруги.

Она вскоре втянулась в работу в своей психиатрической лечебнице и недавно вышла замуж за тамошнего психиатра. И сейчас она очень довольна и счастлива.

Художник, узнав о ее счастье, горячо поздравлял ее с новой жизнью и, нежно вздыхая, попросил разрешения почаще у нее бывать.

В общем сердца трех после столь сильных передраг вполне утихомирились.

Четвертое же сердце — художника, — надо полагать, вовсе не участвовало во всей нашей правдивой истории о печальных последствиях курортных романов.

Что касается объявлений, то медлительность этого дела то есть никак не отвечает требованиям жизни. Тут надо по крайней мере в шесть раз скорее.

М. ЗОЩЕНКО

С О Н Е Т

О КАЧЕСТВЕ БУМАГИ, ВЫПУСКАЕМОЙ НА ОКУЛОВСКОЙ ФАБРИКЕ

Я написать хотел на купленной бумаге
Сонет в четырнадцать традиционных строк.
Бумагу приобрел я в лавке точно в срок,
И к деланью стихов я приступил в отваге.

Но был в бумаге той существенный порок:
Перо завязло в ней, как будто бы в овраге,
И много было в ней отходов, мела, влаги,
И сора, и тряпья... Но только все не впрок!

Я глубоко вздохнул, не дописав сонета.
Кряхтела под моим пером бумага-брак.
Ах, качество ее — проклятье для поэта!

Был прерван милый труд, и помрачнел мой зрак.
Да, слишком много строк! Зане бумага эта
Тринадцать — выдержит. Четырнадцать — никак!

СТАРИННЫЙ ПОЭТ

БУХГАЛТЕР ДО МОЗГА КОСТЕЙ

Давно известно, что профессия накладывает на человека неизгладимый отпечаток. Давно известно также, что, в частности, работники учета (бухгалтеры, счетоводы, плановики), по понятным причинам, проявляют крайнюю приверженность к цифрам. Но вот узнали мы о существовании одного бухгалтера, в психику которого цифирь проникла гораздо глубже чем обычно.

Этот феномен называется К. В. Криволапов, и работает он на спиртозаводе в городе Затонске, Винницкой области. Бухгалтер Криволапов доцифрился (или доцыфрился — как хотите) до того, что сотрудников своих по работе перенумеровал и в служебных записках и в резолюциях называет их не по именам, а по номерам. Например резолюция:

«3 + 5.

Ознакомьтесь с этой инструкцией, распишитесь и возвратите мне. К.».

Как хотите, а нас подобная принципиальность восхищает. Вот уж именно бухгалтер до мозга костей.

Советуем вам, товарищ Криволапов, и дома перенумеровать всех членов семьи и все предметы домашнего обихода. Допустим:

Сам Криволапов	№ 1
Жена	№ 2
Сын	№ 3
Если есть сын-близнец	№ 3-бис
Дочь	№ 4
Буфет	№ 72
Обеденный стол	№ 73
Тарелка	№ 98
Вилка	№ 111
Ножик	№ 112
Котлета	№ 241
Горчица	№ 343

Заставьте домочадцев твердо выучить всю номенклатуру и потом можете разговаривать так:

— № 4! Скажи № 2, чтобы мне подали на № 73 № 98 с двумя номерами 241 и №№ 111 и 112. Да, кстати, достань из № 72 № 343.

Просто, понятно, а главное, вполне по-бухгалтерски!

В ЖЕСТКОМ ВАГОНЕ

Желаю вам, дорогой читатель, всяческого благополучия и, ежели вы на то желание имеете, можете раз'езжать в международных, а в крайнем случае в мягких вагонах.

Что же касается скромного автора этих строк, то он, откровенно говоря, предпочитает ездить в жестких вагонах.

В международных — пассажир очень важный, задумчивый такой и молчаливый. В мягких — народ полегче, пожилее, но все же и ему далеко до той публики, которая подбирается в жестком.

В жестком — пассажир общительный, разговорчивый. Он тебя и кипятком попотчует, и биографию расскажет, и всякими любопытными историями охотно поделится...

И вот вечерним поездом еду в жестком вагоне из города Калинина в город Вышний Волочок.

Сел я в вагон и сразу, по общительности своего характера, начинаю знакомиться с соседями по купе. Разговоры завожу. Дескать, хороший поезд, без опозданий идет. И погода, мол, неплохая. И, может, кто-нибудь знает, когда прибудем в Вышний Волочок, и далеко ли город от вокзала?

Слово за слово — разговорились. Спутники согласились со мной, что поезда стали ходить акуратней. Не было разногласий и насчет погоды. А что касается Вышнего Волочка, то все в один голос посоветовали мне обратиться за справками к проводнику. Словом, беседа была очень интересная и, как сами видите, содержательная.

А у окошка сидела старушка — этакая, по всему виду, бодрая, жизнерадостная старушка, с молодыми, смеющимися глазами. Сидит, молчит, прислушивается к нашему разговору и старательно уплетает булку с колбасой.

Решил я побеседовать со старушкой:

— Бабушка, откуда сама?

— Тутошня. Колхоз наш за Лихославлем.

— Давно из колхоза?

— Почитай, месяца два.

— Ого! А куда ездили?

— По докторам, милый, по докторам все езжу.

— Целых два месяца?

Самое удивительное, что старушка совсем не походила на больную. Бывает иногда такая обманчивая внешность.

— Два месяца, милый, два месяца. Ничего не поделаешь — приходится.

— Да, старость — не радость!

— Нет, ничего, милый. Я не жалуясь. Я даже очень довольная.

— У каких же врачей вы побывали?

— У разных, милый, у разных. Спервоначала поехала я в Бологое. Там доктор один, хотя и молодой, но по ревматизмам такой специалист, что диву даешься. Как рукой снимает всякую хворь в суставах. Замечательный доктор!

— Да. Ревматизм — серьезная вещь.

— Очень серьезная. А после этого поехала я в Торжок. Там, скажу я вам, отменный сердечный доктор. Сердце, значит, исправляет.

— Хороший врач?

— И не спрашивай! А детки у него какие! Особенно младший мальчонка, третий год пошел. Глаза большие, синие. Меня все конфетами угощал.

Пассажиры с удивлением поглядывали на розовощекую старушку, которая страдает столькими серьезными болезнями. Больная же с большим рвением продолжала налегать на булку с колбасой.

— А после Торжка, — продолжала старушка, — подалась я в Осташково.

— А туда зачем?

— Опять же, милый, к доктору. Так уж, видно, мне на роду написано — по докторам ездить.

— А в Осташкове какой доктор?

— Глазной, милый, глазной. У него я десять суток проваландалась. Очень об-

ходительный человек. Женился недавно. Варей зовут ее. Очень мне Варя по нраву пришлась. Поет она замечательно.

Наше удивление все более росло. Глаза у старушки такие здоровые, веселые, а она по глазникам катается. Я хотел было уже спросить ее об этом, но старушка продолжала свой рассказ:

— А из Осташкова, милый, направилась я в город Калинин.

— Тоже к врачу?

— К врачу, милый, к врачу. Куда ж мне еще на старости лет?

— К какому врачу?

— Там есть, в городе Калинин, знаменитая женщина-врач. Вот я к ней на целую неделю. Акушерка она.

— Что?!

— Акушерка, милый, акушерка.

Кто-то из пассажиров захихикал. Кто-то не выдержал и громко засмеялся. Действительно, удивительная старушка!

— А чем же вы, бабушка, больны?

— Господь с тобой, милый! Чего же это я болеть буду? Седьмой десяток пошел, а никогда ничем не хворала.

— Чего же вы по докторам раз'езжаете?

— Не по своей воле, милый, не по своей воле.

— То есть как?

— Приглашают меня — вот и езжу. Как же не ездить? Я же их выкормила и выгодовала.

— Кого?

— Да докторов всех этих. По ревматизмам в Бологом — мой старший, Николай. По сердечным в Торжке — средний, Сергей. По глазным в Осташкове — меньшей, что недавно женился, Михаил. Акушерка в городе Калинин — дочка моя Катя. А мне чего хворать?

— Да у вас, бабушка, целая семья врачей.

— Так вышло. Сначала пошел Николай по этой специальности, а потом уж друг дружку тянули. Вот только Анна у меня пошла по другой линии.

— А она кто?

— В колхозе работает. Доярка.

— Как же так получилось? Все ученые, а одна застряла. Что, способностей нет?

— Как же способностей нет? Вот...

Старушка неторопливо полезла в корзинку, вынула оттуда акуратно сложенный номер газеты:

— Вот в газете пишут про Анну. Талантом называют.

В газете, на первой странице, был помещен портрет красивой улыбающейся девушки, с орденом на трикотажной кофточке...

В окно вагона брызнули огни вокзала. Поезд подходил к Вышнему Волочку.

Г. РЫКЛИН

НАПИТОК С ОПЕЧАТКАМИ

Забавный сюрприз ожидает граждан, которые пожелали бы приобрести чай «Букет Грузии» в жестяной чайнице (вес нетто 100 граммов). Приобретя таковую чайницу, граждане обнаружат между первой и второй крышечками чайницы следующее уведомление:

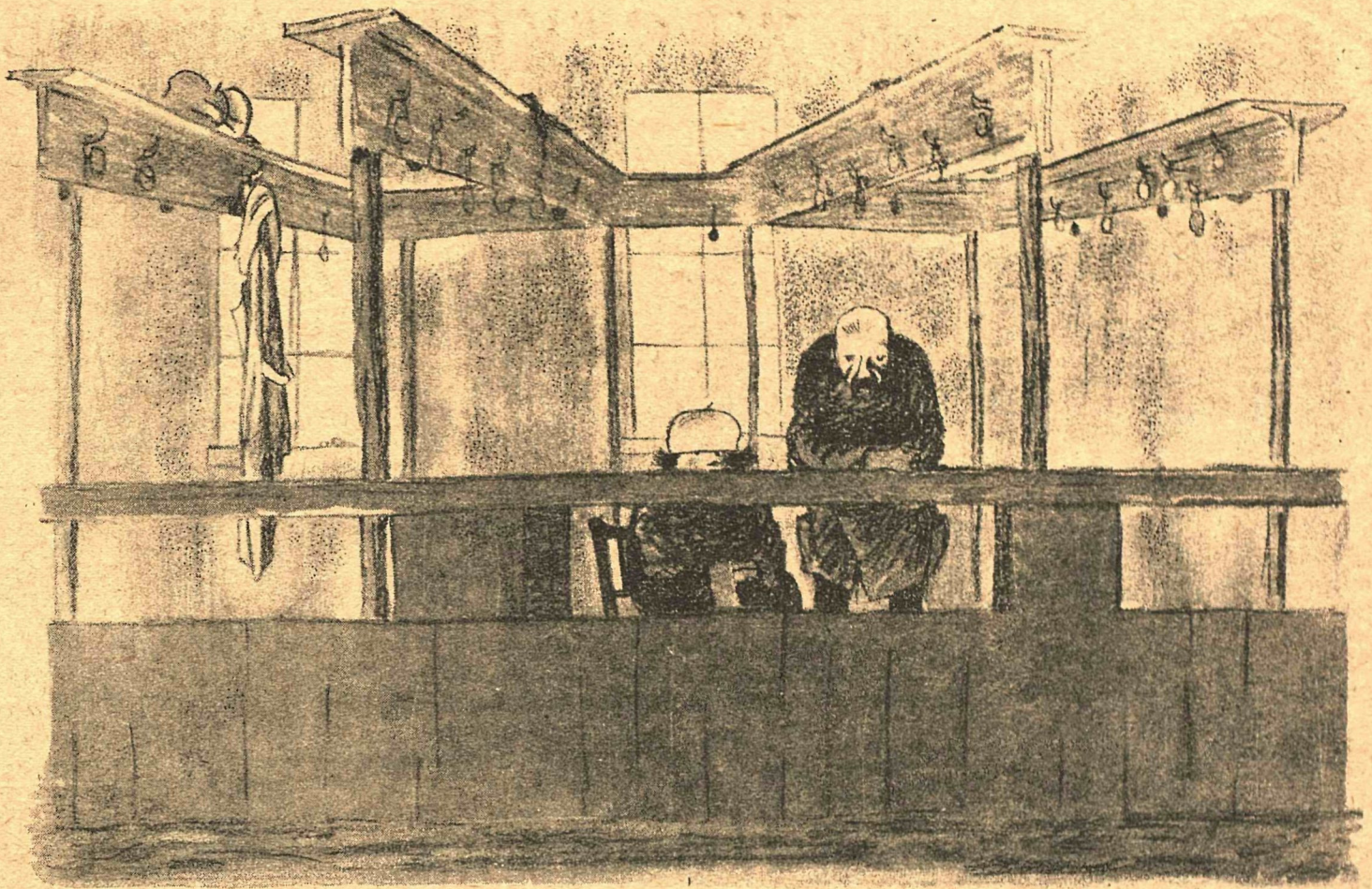
НА ВНУТРЕННЕЙ КРЫШКЕ В ТЕКСТЕ
ДОПУЩЕНЫ ОПЕЧАТКИ:

Правило 2. Напечатано: «оставший»
Читать: «остывший».

Правило 4. Напечатано: «Двух-третий»
Читать: «Двух-третей».

Если идти по этому пути, то недалек день, когда в такую же чайницу вложат другое уведомление: «Снаружи на чайнице допущены опечатки: Напечатано: «Грузинский чай», следует читать: «Наждак крупный».

Все может быть. Все может быть, если люди разучились набирать без ошибки 6 строк незатейливого текста.

— А говорят, что от плохих пьес больше всего страдают зрители... Разве у зрителя могут быть такие убытки, как у нас?..

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ДВА ЗРИТЕЛЯ

Перед началом сеанса два зрителя стояли около буфета.
 — Я больше люблю художественные фильмы...
 — Я предпочитаю документальные фильмы.
 — Это примитив. Не потрясает.
 — Смотря по тому, какой документальный фильм, а то есть...
 — Сравнения нет. Не потрясет ваш документальный фильм. А в художественном фильме актер бровью двинет — и вы потрясены...
 — Да, а вот если бы создать документальный фильм...
 — О чем?
 — ...документальный фильм об этом художественном фильме, это ж потрясло бы всякого честного человека! Перерасходы у них миллионные, просто стоили десятки тысяч, сценарий переделывался десятки раз... Потрясающая картина бесхозяйственности!..

ГРАЖДАНИН

Он внимательно следил за плоскими чашками весов. Потом сердито одернул продавщицу:
 — У вас явный недовес!
 — Почему недовес? — покраснела продавщица. — Носик с носиком сходится.
 — Что значит сходится? Совершенно даже не сходится. И опять же бумага: где гирьки, там клочок бумажки вроде игральной карты, а на правую чашку карту мира положили.
 — Гражданин! Не задерживайте! — закричали сзади.
 Гражданин обернулся:
 — Надо, граждане, быть сознательными! Я не только о себе, а и о вас беспокоюсь. Недовес налицо. Один носик куда выше задрался другого выходит.
 — Ну иди за книгой, а не задерживай!
 Кассирша вынула из-под сиденья жалобную книгу, нехотя подала ее. Просмотрев новую жалобу, сказала:
 — Надо адрес поставить, и паспорт пред'явите. Подпись у вас неразборчивая.

— Это что такое?! — вспыхнул гражданин. — Рогатки на путях самокритики ставите? Где ваш директор?

Увидев директора, гражданин некоторое время смотрел на него с изумлением, потом воскликнул:

— Петр Герасимович! Да ты разве здесь работаешь? Я думал в «Бакалее».

— Давно здесь.

— Фу, чорт. А я тут развел антимионию... Извини, пожалуйста. Вера Константиновна как себя чувствует? А Вася?

Под руку пошел с директором, бормоча на ходу:

— Тот же адрес... Заходи. Все будем рады: и крестница твоя, и Соня, и я.

М Е Р Ы

Директор только что отремонтированной школы ходил и сердито пофыркивал:

— Но это же не фасад, а пирожное! Чуть что — и штукатурка повалится. Я уж не говорю о цвете. Дикий цвет. Помесь грифельной доски с розовым закатом...

— Да... — подтвердил и завуч. — Посыплется. На улице посильнее загремит — и все посыплется.

Будем меры сыпучих тел изучать, — невесело усмехнулся директор.

Прораб, шагавший возле, вдруг зло заморгал и сказал:

— Ничего не посыплется: меры приняты.

— Какие меры? — спросили директор и завуч.

— А это что?..

Прораб указал на жестяной лист, висевший посредине улицы.

В. ТОБОЛЯКОВ

«Школа
Тихий ход»

ДОСКА ПРИКАЗОВ

Доселе никто не рассматривал бюрократов, головотяпов, восторженных администраторов и просто совдураков с точки зрения литературной. Между тем сии последние воспользовались этим небрежением и создали свой собственный литературный жанр. Вернее, не создали, но использовали для своих целей старинный и полезный институт приказов по учреждению (предприятию, организации).

Бюрократы, головотяпы, восторженные администраторы и просто дураки охотно придают форму приказов своим интимнейшим и излюбленным помыслам, идеям, настроениям.

Нам осталось только завести доску нелепых и вредных приказов, а заполнение этой доски взяли на себя многочисленные сочинители боговдохновенных глупостей.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № Ф 5

по орловскому Горводопроводу от 16 апреля 1936 года

§ 1

Не входя в обсуждение вопроса по читки лекций о вреде алкоголизма для людей и для производства вопроса об алкоголизме, как вполне явного своими отрицательным следствием, — бухгалтеру ЗОРИНУ М. И. предлагается закрепить более трезвой обстановкой как себя, так и окружающих сотрудников конторы.

П. п. зав. Горводопроводом — ГУРЬЯНОВ.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 64

по орловскому Горводопроводу от 27 декабря 1936 года

§ 1

Лозунг „Кадры решают все“ некоторые птенцы из остатков усмиряющегося старого мира по няли по-своему. Чрезмерно переоценив себя и свое положение в обществе, пользуясь слабостями, промахами и ошибками, свойственными вообще каждому росту и движению, потеряв под собой почву для всякого рода махинаций, эти люди сеят байкот, саботаж, хулиганство, разваливая тем самым здоровую среду советского аппарата трудящихся.

Создание условий к перевоспитанию себя и воспитанию других является обязанностью не только трехугольника предприятия, но также и обязанностью самого двуногого существа, имя которому человек.

Эта общая элементарная истина.

Имеется много времени на то, чтобы серьезно некоторым понять эту истину и применять ее на практике.

Бухгалтера тов. ЗОРИНА за недооценку 25/XII, выразившуюся в хулиганском игнорировании распоряжения, данного мне горкоммуноделом, за саботаж, проявившийся в отказе выполнять свои прямые обязанности, за неоднократный нетрезвый вид в конторе — исключить из списка личного состава и произвести после приема от него дел и после составления баланса на 1936 год расчет без выдачи выходного пособия.

П. п. зав. Горводопроводом и Канализацией — ГУРЬЯНОВ.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

по Воронежскому радио-рентгенологическому институту от 27 июня 1937 года

§ 3

Большое количество таракнов в течение долгого времени разводится во всех помещениях Института. Плановой борьбы с ними не ведется и поэтому обычно тараканы переходят из одной комнаты, где их начинают уничтожать, в другую комнату, где их не беспокоят.

В последнее время в связи с теплыми погодными в палатах появилось много мух. Вследствие отсутствия сеток некоторые комнаты (нижняя уборная) буквально являются питомниками мух.

Предлагаю под личную ответственность завхоза и сестры-хозяйки немедленно начать энергичную борьбу с мухами и тараканами. В пятидневный срок должны быть уничтожены мухи и все тараканы и должны быть приняты все профилактические меры по ижигтию этих вредных насекомых. К борьбе с мухами и тараканами должны быть привлечены все медицинские работники и даже выздоравливающие больные.

Директор Слободской

НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ

Рис. К. Ротова

— Тоже, знаете, народ: прописывалась к нам в квартиру временно, а сегодня, смотрю, за-
вивку справила на шесть месяцев...

Рис. Л. Генча

— Крестится еще... И-эх, темнота!..

ГРАЖДАНЕ, ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ!

КОНСУЛЬТАЦИЯ КРОКОДИЛА

(ОТВЕТЫ ДАЕТ СТАРШИЙ КОНСУЛЬТАНТ К. А. ФРОЛОВ, БРАТ КОМЕНДАНТА КРОКОДИЛА И. А. ФРОЛОВА)

ВОПРОС. Не можете ли вы указать адрес «вышеуказанного гражданина», о котором говорится ниже? Его разыскивает неутомимый Балаганский нарсад. Он прислал в Восточносибирское пароходство такую бумагу

«По нашему неточным сведениям якобы работает у вас. Предлагаю сообщить последнее место работы гр-на вышеуказанного. Последний скрывается от уплаты...»

(Спрашивает инструктор газеты «Ударная вахта» Василенко).

ОТВЕТ. Адрес вышеуказанного гражданина нам, к сожалению, неизвестен. Может быть, вас устроит адрес выше- и нижеуказанных судейских растяп, подписавших эту бессмысленную бумажку. Вот он: Балаганово, Иркутского округа, Восточносибирского края, народному судье Стодорову и судебному исполнителю Константинову — в собственные руки.

ВОПРОС. Я пять раз растрачивал казенные деньги, сейчас устроился на работу в одно сельпо, а меня наше правление опять определяет в кассиры. Я из себя выхожу: «Я же у вас, у чертей, опять растрачусь». «Ничего, — говорят, — может, обойдется». Посоветуйте, как мне обуздать зарвавшихся бюрократов,

нечутко подводящих пьющего человека под домзак.

(Спрашивает один кооператор).

ОТВЕТ. Пусть ваше правление наймет персонального стрелка-охранника с собакой-ищейкой для охраны кассы от вас. Соглашайтесь занять место кассира только на этих условиях.

ВОПРОС. Старший судебный исполнитель города Н. Тагила Копытцева получила от нашего архитектурно-планировочного управления исполнительные листы на взыскание разных сумм. Эти деньги предназначались для выплаты заработной платы сотрудникам управления, и Копытцева об этом знала. Тем не менее на исполнительных листах она наложила такую лихую резолюцию: «Без исполнения будет лежать до 1 сентября. Сегодня ухожу в отпуск. Копытцева».

Что нам теперь делать с этой Копытцевой?

(Спрашивают Кудашев и другие сотрудники архитектурно-планировочного управления).

ОТВЕТ. Похлопочите на месте о представлении Копытцевой бессрочного отпуска от судебного ведомства. Пусть отдохнет человек подольше.

Навстречу японскому солнцу.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ПЬЕСА

Директор театра, сверяясь со своим настольным календарем, диктовал администратору список лиц, которым вечером надо было дать контрамарки на спектакль.

— Значит, Устангову два места дадите, — говорил он, — и от Вахрамеева придут... ну, это можно на свободные места пустить. Да! Еще из фанерного треста Сукусенко хотел посмотреть сегодняшний спектакль...

— Сукусенко у меня записан, Филипп Осипович, — почти-точно заметил администратор.

— Ну, тогда все... Что, Николай Михайлович пришел уже?

Администратор пожал плечами, искренно скорбя о том, что не может дать директору точную справку, но еще не успел вернуть плечи в исходное положение, как дверь в директорский кабинет открылась.

— А вот и Николай Михайлович!.. — радостно воскликнул администратор. — Ну, я пойду...

— Ступайте, — сказал директор, — не забудьте только: Шопшину не два места, а три, и не дальше седьмого ряда...

И директор повернулся к вошедшему художественному руководителю:

— Николай Михайлович, что же будет с репертуарным планом? Вчера из газеты приходили, спрашивали, сегодня из Комитета искусств звонили... Надо же, в конце концов, решить, что мы будем ставить!

Художественный руководитель театра махнул рукой и начал разгружать свой разбухший портфель. Рукописи пьес, красиво переплетенные и растрепанные, форматом в четверть листа, в половину, в треть, отпечатанные типографским способом, на шапирографе и на пишущей машинке, одна за другой появлялись на свет и складывались на директорский стол. Художественный руководитель похлопал ладонью по всей груди и сказал:

— Видали, сколько я их прочитал?

— Ну и на чем же вы остановились?

— Как вам сказать... в одной пьесе одно нравится, в другой — другое...

— Это как у Гоголя в «Женитьбе» невеста говорит: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

— Нет, Филипп Осипович, у меня совершенно конкретный план. Вот, видите ли, эта пьеса — «Курево-Мареву», автор — Сергей Птицин — она мне нравится по завязке. Я думаю, первый акт мы возьмем из этой вещи.

— Как, то есть, первый акт? А второй?

— Второй акт, по-моему, лучше у Севрюжного. Вот его драма «Омовение». И язык у него лучше, настоящая проза. Остановимся, значит, на нем...

— Позвольте, Николай Михайлович! Что вы говорите?! Как это можно — первый акт из одной пьесы, а второй — из другой? Действующие лица-то разные!

— Почему же разные?.. В основном действующие лица те же. И в «Курево-Мареву» летчик и в «Омовении»...

— Какой летчик?

— Известно, какой. Скромный герой-летчик. Потом в обеих пьесах по профессору. Молодая женщина беременная — и тут и там. Только в одной пьесе — по седьмому месяцу, а в другой — на втором. Я думаю, мы остановимся на втором месяце. Как-то сценичнее.

— Ничего не понимаю!.. — закричал директор, ероша волосы. — Что же они сговорились, что ли, — оба эти автора?!

— Ничего не сговорились. Имена и фамилии мы выберем из обеих пьес. Какие покажутся получше. Летчика, например, назовем по «Курево-Мареву», а беременную — по «Омовению».

— Ну, допустим. А третий акт вы у кого возьмете? У Птицына или у Севрюжного?

— Ни у того, ни у другого. Третий акт я намечаю из пьесы «Куркин идет» некоей Аделаиды Пегой. У Пегой монолог донера лучше сделан.

— Какой монолог?

— Донера. Ну, того, который отдает свою кровь для переливания скромному летчику. Да вы послушайте этот монолог... Где он?.. Вот:

«Нет!

Не допущу я

Другой переливки!

Нынче я донер!

Не бузите напрасно!

Беззаветно

герою

отдам я сливки

Шариков белых

и красных!

Вы слышали?

Кровь моя

той же группы!

Так берите ж

мой

гемоглобин!

Из руки зачерпните,

из пупа,

Из кровеносных

моих

глубин!»

— Позвольте, Николай Михайлович, да ведь это стихи!

— Стихи.

— А первые два акта будут в прозе. Как же так?

— Боже мой, Филипп Осипович, о чем вы говорите?.. Нынешние стихи загнать обратно в прозу ничего не стоит. Рифмы только спрячьте внутрь, вот и все... Смотрите: «Нет, не допущу я другой переливки. Нынче я буду донером. И напрасно вы бузите. Я беззаветно отдам герою сливки моих белых и красных шариков»... Где тут стихи?

— Нда... пожалуй... А четвертый акт у кого берете?

— Еще не знаю. Есть два кандидата: Иван Босоногов, драма «Локоток», и Черношварц — «Голубые шематоны»... «Шематоны», пожалуй, теплее сделаны. В «Шематонах», действительно, все такие хорошие в последнем действии. Все время в носу свербит — так плакать хочется. А это самое важное. Директор еще раз взерошил волосы и заключил:

— Все это очень хорошо. Но кого из этих авторов мы поставим на афишу? И как назовем пьесу?

— Насчет автора надо еще подумать. А название я уже придумал.

— Какое же?

— «Винегрет». Пьеса в четырех действиях.

В. АРДОВ

P. S. Автор честно признается, что тему настоящего фельетона дала ему жизнь. Практика знает сведение воедино нескольких пьес в один спектакль.

В. А.

В ШАНХАЙСКОМ РАЙОНЕ

Рис. А. Каневского

— Господин майор, ведь это мирные жители!
— А вот мы по ним сейчас дадим две пулеметных очереди. Если они не ответят,—значит, действительно мирные.

С этими короткими и взволнованными строками мы обращаемся ко всем нашим читателям и читательницам с убедительной просьбой:

— Помогите нам разыскать двух затерявшихся Павлов. Ищите прилежно и тщательно. Ищите везде и всюду. Ищите на земле: возможно, что эти Павлы еще живут. Ищите под землей, потому что есть все основания предполагать, что оба они давно умерли. Может, полуистертые надписи на серых надгробных камнях старых кладбищ подскажут вам последний адрес разыскиваемых Павлов. Ищите, товарищи, ищите!

Эти поиски нами организуются не для забавы, не потехи ради, а для успокоения встревоженного тов. Белохонова, народного судьи 1-го участка Дорогобужского района, Западной области.

Обстоятельства дела таковы. В народный суд к судье Белохонову поступила работать гражданка Ольга Павловна Коробова. Так вот...

Но лучше всего предоставим слово самому Белохонову. В официальном «сов. секретном» и «в. срочном» отношении на имя прокурора Ашхабада дорогобужский судья пишет:

«Характер запроса вытекает из того, что в нарсад Дорогобужского района, 1-й участок, поступила работать гр-ка Коробова Ольга Павловна, и при опросе последняя заявила, что она является уроженкой Ашхабада; с ее слов, мать выходила замуж два раза, то есть первый раз вышла за Никитина Павла, второй раз — за Кудрявцева Павла... Сейчас, со слов Коробовой Ольги, родители — отцы (?) и мать — якобы умерли, но что они собой представляли как люди, чем они занимались, чем работали до революции и, возможно, после революции, — этого установить нельзя. Сама Коробова Ольга Павловна как дочь одного из перечисленных лиц — или Никитина или Кудрявцева — заявляет, что она выехала из Ашхабада в 1900 году, еще будучи маленькой».

Как видите, у Белохонова большая тревога. Он просит прокурора:

«Установите, кто эти лица по социальному происхождению и какие работы они выполняли при жизни, имеются ли они сейчас в живых, если умерли, то укажите, в каких годах...»

Чтоб облегчить работу ашхабадского прокурора по отысканию живых или мертвых Павлов, энергичный судья дает ему следующий вразумительный совет:

«Установите через престарелых лиц, проживающих в Ашхабаде, проживали ли в Ашхабаде как до революции, так и после революции жители Никитин Павел Филиппович и Кудрявцев Павел Сергеевич».

Серьезное препятствие, однако, возникло на пути осуществления розысков престарелых Павлов: ашхабадский прокурор тов. Лиходелов не оценил размаха дорогобужского судьи. Ехидный прокурор не стал зазывать в свою камеру стариковские поголовье Ашхабада. Вместо этого прокурор написал такой ответ:

«На Ваше отношение от 14 июля 1937 года сообщаем, что тщательного расследования и установления личности Никитина П. Ф. и Кудрявцева П. С. через престарелых лиц, проживающих в Ашхабаде, выполнить невозможно вследствие того, что в Ашхабаде очень большое количество престарелых лиц. Горпрокуратура затрудняется выполнить вашу просьбу, так как не знает, с какого престарелого лица начать опрос».

Но мало того! Прокурор Лиходелов был настолько нечуток, что переслал свой ответ нам — в редакцию Крокодила.

И, таким образом, мы имеем возможность ознакомить читателей с хитроумным планом судьи Белохонова по части выяснения социальных корней его сотрудницы.

Выражаем:

- благодарность прокурору тов. Лиходелову,
- восхищение судье Белохонову и
- соболезнование тов. Коробовой по тому поводу, что судьба наградила ее таким начальством, как Белохонов.

Засим дело о розыске двух Павлов считаем законченным.

Г. ЕФИМОВ

ТИТЫ ТИТЫЧИ

Некогда купцы были очень высокого мнения о своем могуществе. Особенно чванился какой-нибудь Тит Титыч перед тем, кто рассчитывал взять у него в долг.

— Таперича я что хочу, то над тобой и сделаю. Захочу — ты у меня стекло жрать будешь. Захочу — будешь стихи писать. За мойто деньги?!

— Известно: воля ваша, ваше степенство! — отвечал проситель. Мы должны с некоторым недоумением отметить, что крутой нрав бывших купцов ныне возродился в киевской конторе Госбанка. Дирекция банка считает, что за свои деньги она может от клиентов банка требовать, чего угодно. Конкретно: долгие годы в банке изготовлялись необходимые формы ведомостей и отчетностей для клиентов банка, но вдруг директора вспомнили о могуществе денег и постановили:

— Таперича за наши кредиты любая организация стекло будет жрать, нето что бланки печатать.

И вот появился циркуляр:

«Начиная с 1 сентября с. г. Банк прекращает снабжение клиентуры бланками следующих форм:
 форма № 225 — иногороднее платежное требование,
 форма № 1006 — местное платежное поручение,
 форма № 07 — иногороднее платежное поручение,
 форма № 1128 — местное платежное требование.
 В дальнейшем такого рода бланки клиенты должны изготовлять своими средствами.
 При изготовлении этих бланков необходимо строго придерживаться формата их, расположения реквизитов и цветов краски печати. Документы, составленные не на бланках установленной формы, приниматься Банком к исполнению не будут.»

ПРАВЛЕНИЕ БАНКА

В такой циркуляр недурно бы внести еще один пункт: «При сдаче перечисленных бланков в банк представители кредитующихся организаций отвечивают земной поклон и одновременно с бланками передают хлеб-соль».

Эх, Титы Титычи, Титы Титычи!

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОБЕДИЛ

Во время уборочной кампании в селе Муратовском (Миньярский район, Челябинской области) выпускается маленький такой печатный листок под красивым, но несколько бессмысленным названием «Стальная искра». Издает его одноименная газета того же района, редактирует — тов. М. Цыкарев.

И вот 18 августа муратовские колхозники имели удовольствие читать в «Стальной искре» статью Г. Парова, которая занимала собой весь листок сверху донизу.

Г. Паров, инструктор Миньярского райкома партии, писал о недочетах уборки в муратовском колхозе. Дело там, прямо сказать, шло из рук вон плохо. Но...

«Приезд в колхоз инструктора райкома ВКП(б) т. Парова принудил правление переключиться на уборку и сев».

Так, едва успев начать статью, Паров воздаст дань уважения Парову.

Кто же все-таки виноват в отставании муратовского колхоза? Автор прямо и откровенно режет правду-матку:

«Вина за это ложится и на районный комитет партии, его секретарей тт. Сидорова и Решетова, которые не выполнили решений пленума обкома ВКП(б) об уборке урожая и хлебосдаче, передоверив руководство подготовкой колхозной парторганизации к уборке и хлебосдаче неспособному и малоактивному инструктору т. Татьянкину».

Вот, дескать, смотрите, люди добрые, как прошляпил райком! Передоверил бы он сразу руководство способному и многоактивному тов. Парову — и дело было бы в шляпе.

О, скромность, мать добродетелей, лучшее украшение большевика! Как охотно и часто забывают о тебе там, где думают, что нескромность останется незамеченной...

СЕКРЕТАРЬ-КОРОБЕЙНИК

В московской прессе было несколько сообщений относительно того, что руководящие работники физкультуры бездействуют. С радостью можем сообщить, что в городе Щорсе, Черниговской области, ответственный секретарь районного комитета по делам физкультуры и спорта тов. Серый проявляет такую кипучую деятельность, что, помимо своих прямых обязанностей, занялся еще розничной торговлей. Оборотистый секретарь торгует предметами более или менее необходимыми для спортсменов и физкультурников. Он продает майки, трусы, гетры и прочее, чем выгодно отличается от местного магазинца «Динамо», в каком-то магазине подсобных ходовых товаров нету. Словом, ответственный секретарь с полным основанием может заметить про себя: «Эх, полным полнона коробушка» — и еще может сказать про себя же: «Цены я беру немалые».

В самом деле, по нормальной расценке трусы стоят 3 р. 95 к., а секретарь-коробейник берет 7 р. 20 к., футболки стоят 5 р. 10 к., а у секретаря-коробейника — 7 руб. и т. д.

По зрелом обсуждении мы настаиваем на необходимости освободить товарища Серого либо от этой, либо от той работы. Пусть он пойдет в коробейники, но тогда надо назначить другого секретаря, а если он незаменим в качестве секретаря, то лучше торговые операции передать другой точке.

ОТДЕЛ

ВОЛОКИТА НА НОВЫХ ПУТЯХ

За последние годы некоторые товарищи высказывались в том смысле, что волокиты у нас стало меньше. Реже приходится негодовать по тому поводу, что человек ходит в учреждение за пустяковой справкой по нескольку лет. Не так часто появляются сообщения о том, что вот в поисках пропавшей копейки исписано бумаги на 427 рублей и потрачено 711 человеко-часов. И мы, было, тоже стали склоняться к мысли, что действительно волокита начинает изживать себя.

И вдруг стали поступать сообщения, что она, волокита, не исчезла, а как бы переключается. Волокита перешла в новую область, где еще не начали за это, как говорится, «ударять по рукам». Мы имеем в виду выдачу всякого рода премий, наград, подарков, аттестатов и грамот. Все время поступают сообщения: там-то не выдали человеку предназначенный ему премиальный велосипед. Там стараются утаить похвальную грамоту. Там человек месяцами ходит за аттестатом, а ему говорят: «Пока перебейтесь с этой вот справкой, отпечатанной на плотной папиросной бумаге». И т. д. И т. п.

Ну, а нынче можно сообщить читателю, что в Куришском районе, Ленинградской области, задерживают также выдачу значка Ворошиловского стрелка. Товарищ Львов В. Е. пишет нам:

«6 мая с. г. я сдал нормы по всем видам на значок Ворошиловского стрелка. 9/V в местной газете «Куришский колхозник» отметили это. Но до сего времени значок не выдан, и тов. Шитков, уполномоченный Осоавиахима, отказался выдать мне значок. ...Я хотя и старик 56 лет, но хочу быть готовым дать отпор врагу, если это потребует. Я имею значок ПВХО, ГСО, так почему же не могу получить Ворошиловского стрелка?»

Не беспокойтесь, товарищ Львов, значок вы получите. За это мы вам ручаемся.

Однако не можем не удивиться гибкости волокитчиков. Вытесненные из одной области, стройными рядами перешли они в другую.

Делать нечего, товарищи, придется вышибать волокитчиков и из новых позиций!

ПЕДОЛОГИ ИЗ РАЙОТДЕЛЕНИЯ

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник...»

Новейшие литературные исследования говорят о том, что этой строчкой баснописец Крылов имел в виду никого другого, как Герцева и Артеменко.

Старик предвидел, что в лето 1937 года эти сурсые граждане займутся, кроме своих прямых обязанностей, еще и педологией.

Как известно, воспитание детей не является основной функцией районного отделения милиции. Но в Юрьеве-Польском, Ивановской области, смотрят на это дело иначе.

Там инспектор милиции Герцев и начальник райотделения Артеменко считают, что они могут «пироги печи».

В юрьев-польское районное отделение милиции поступила газетная заметка «Издательство над ребенком». В заметке говорится о том, что некий гражданин Климов систематически издевается над своим трехлетним ребенком, которого часто избивает до кровоподтеков и синяков.

Инспектор Герцев взялся за расследование «указанных фактов» и установил:

«Факты, изложенные в заметке, не подтверждались, издевательства над ребенком со стороны Климова не установлены».

Что же установлено? А вот что:

«Допросом свидетелей установлено, что Климов своего ребенка иногда и бьет, но за дело, так как ребенок избалован и капризен, но бьет он всегда поясным ремнем, а издевательства никаких не установлено».

Педологи из райотделения милиции твердо уверены, что бить ребенка поясным ремнем — это не только не воспрещается, но даже поощряется. Тем более, что, как установил инспектор Герцев, ребенок «избалован и капризен».

А посему начальник отделения Артеменко пишет резолюцию: «Утверждаю».

Он утверждает, что ребенок избалован и капризен. Он утверждает, что ребенка надо стегать ремнем. Он утверждает, что инспектор милиции Герцев в своем уме...

Мы ничего этого утверждать не можем. Более того, мы, грешным делом, склонны полагать, что и сам Артеменко навряд ли мог бы все это утверждать, будучи человеком, пригодным к работе в рабоче-крестьянской милиции.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Как и все жители Ашхабада, я имею обыкновение частенько посещать местный парк культуры и отдыха. И вот в один прекрасный вечер контролер у входа в парк таинственно вручил мне следующее печатное объявление:

*«Только сегодня!
Единственный случай!
Следит за Вами па-
рень*

*Самый лучший.
Ловите счастье,
Рвите на части!»*

Кровожадное объявление попало ко мне явно не по адресу. Судя по содержанию, оно предназначалось для существа нежного пола. Но тем не менее стало как-то неуютно. А вдруг произойдет ошибка? Разорвут на части, а потом доказывай, что ты и сам парень и уже не первой молодости!

Гораздо целесообразнее было бы разорвать на части анонсы с этими глупыми стишками. Но, видно, стишки пришлись по вкусу дирекции парка, о чем довожу до твоего, дорогой Крокодил, сведения с истинным огорчением.

Г. КОЛОБОВ

Ашхабад, Туркменская ССР

Дорогой Крокодил!

Однажды в кинотеатр в поселке Усть-Карск пришел на сеанс заместитель секретаря райкома ВЛКСМ товарищ Никонов. Товарищ Никонов приобрел билет ценою в 1 руб. 50 коп., а, войдя в зал, сел на место, которое стоит дороже. Я в качестве контролера кинотеатра предложил товарищу Никонову занять место сообразно купленному билету. Товарищ Никонов рассердился, порвал билет и вышел из зала. А на другой день меня вызвали в редакцию районной газеты «Ударник», и там редактор газеты тов. Сосновский долго отчитывал меня за то, что я так обошелся с Никоновым. «Это дискредитация районных работников», — сказал мне редактор.

Дорогой Крокодил, объясни мне, пожалуйста, что

такое дискредитация районных работников, и кто этих работников дискредитирует: я или товарищи Никонов и Сосновский?

П. ОТТО

Усть-Карск,
Восточносибирская область.

Дорогой Крокодил!

Объясни мне, пожалуйста, относится ли пословица «Обещанного три года ждут» также и к премиям и к наградам? Вот я был премирован 26 декабря 1935 года за проявленное мною мужество при тушении пожара, происшедшего во время крушения наливного состава цистерн на станции Катта-Курган, почетной грамотой и денежной премией. Премию мне присудил не кто-нибудь, а президиум ЦИК Узбекской ССР. И, тем не менее, до сих пор ничего я не получил.

Правда, мне немного осталось ждать до указанного пословицей срока: три года исполнится в 1938 году. Хотелось бы, однако, несколько ускорить темпы против устаревшей пословицы.

Н. ЛЕБЕДЕВ

Ст. Худат, Закавказской железной дороги.

Дорогой Крокодил!

Прошу тебя поместить у себя на страницах объявление такого содержания:

«Пропал автобус, многоместный, системы «ЗИС», ходивший между городами Глусском и Бобруйском (БССР). Пропал уже шесть месяцев тому назад. Раньше ходил, а теперь не ходит. Из-за этого гражданам, имеющим надобность проехать из Бобруйска в Глусск, приходится выходить на шоссе и унижаться перед совершенно посторонними шоферами. Иные шоферы берут пассажиров (и деньги), другие шоферы издеваются, мчатся дальше, обдавая пешеходов пылью, бензином и вонью».

Словом, пропал автобус. Нельзя ли найти автобус и тех, кто виноват в его исчезновении?»

Н. ПИГУЛЕВСКИЙ

г. Глусск

Восстановлено в ЦДЛ
1 ОКТ 1937
АРХИВ

Секрет. экземпляры
25 СЕН 1937
Еврос. Ан. Палат. Получены

Рис. Л. Бродаты

— Что вы сделали для перепланировки города?
 — Ну, как же!.. Мы передвинули фонарь поближе к этой яме в тротуаре.